

Город Забытых Чудес II

Дом,
где спят чудеса

СТИВЕН КЬЮ

Стивен Кью

Дом, где спят чудеса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73017212

SelfPub; 2025

Аннотация

Вторая часть трилогии «Город Забытых Чудес» – это шаг глубже в мир, где мечты могут заснуть, если о них перестают помнить. Лея и Артём возвращаются туда, что когда-то дышало светом и радостью, но теперь погружено в тишину. Чудеса спят. Улицы опустели. Город постепенно исчезает, и не магия – а человеческая усталость, страхи и потерянные надежды стали причиной этого. Чтобы разбудить город, детям предстоит не просто искать ответы, а научиться слышать то, что спрятано в сердцах – и человеческих, и собственных.

Это история о хрупкости света и силе тех, кто решает не сдаваться. О дружбе, которая помогает идти вперёд, даже когда темно. О выборе, который делает каждого чуть взрослее. Во второй части становится яснее: чудеса – не развлечение, а ответственность. И впереди их ждёт ещё более трудный вопрос: если мир перестаёт мечтать... готовы ли они стать теми, кто разбудит его?

Стивен Кью

Дом, где спят чудеса

Глава 1 – Когда город зовёт снова

Прошло немного времени. Не год и не вечность – просто достаточно, чтобы жизнь снова стала привычной. Или попыталась такой стать.

Лея снова ходила в школу, делала уроки, слушала взрослых. Она улыбалась, когда нужно, старалась быть «разумной», «собранной», «правильной». Всё вокруг словно вернулось на свои места: те же коридоры, тот же шум перемен, те же разговоры о будущем, оценках, планах. Но внутри неё жила странная пустота – тихая, тёплая и одновременно болезненная. Как будто однажды она побывала там, где мир умел дышать светом... и теперь обычный воздух казался слишком тяжёлым.

Иногда ночью Лея просыпалась и какое-то время лежала в темноте, глядя в потолок. И ей чудилось: где-то очень далеко звучит едва заметная музыка. Та самая – из Города Чудес. Мягкая, живая, похожая на дыхание. Она прислушивалась, стараясь понять – это память или реальность, но звук исчезал, словно стеснялся возвращаться. Тогда Лея глубоко вздыхала, закрывала глаза и шептала себе: «Всё в порядке...» Но сердце упрямо отвечало: «Не всё».

Артём тоже делал вид, что ничего не изменилось. На уро-

ках шутил, изображал уверенность, подбадривал одноклассников, смеялся громче всех. Учителя вздыхали, одноклассники улыбались. Казалось, всё как раньше. Только иногда, когда он смотрел в окно, его лицо становилось неожиданно серьёзным. Словно там, за стеклом, он пытался увидеть то, что однажды уже видел – город, где мечты не стыдятся светиться.

Они почти не говорили об этом. Как будто боялись: стоит только произнести вслух – и станет слишком больно помнить.

Мистер Секунда всё это время лежал в маленькой шкапулке у Леи на столе. Для мамы – просто старые карманные часы, странная, но безобидная вещь. Для Леи – больше, чем предмет. Напоминание. Сердце, которое когда-то помогло открыть дверь туда, где мир был другим.

В тот вечер Лея сидела за столом, пытаясь решать математику. Цифры в тетради стояли аккуратными рядами, строгие, правильные. Они требовали внимания, сосредоточенности, логики. Всё было очень понятно. И очень пусто. В какой-то момент ей вдруг пришла мысль: если всё в мире должно быть только таким – правильным, удобным, понятным... то куда исчезает место для чудес?

Лея отложила ручку и просто посидела, слушая тишину комнаты. И вдруг почувствовала это.

Не звук. Не голос. Что-то другое. Очень лёгкое движение в воздухе, как едва уловимый толчок. Словно мир тихо по-

звал её по имени.

Она медленно повернула голову к шкатулке.

Та была совершенно неподвижной. Никакого света, никакой магии – просто деревянная коробка. Но Лея не могла отвести взгляд. Её пальцы сами потянулись к крышке, хотя она даже не успела решить – хочет ли открывать.

Шкатулка дрогнула.

Совсем чуть-чуть. Как будто внутри кто-то осторожно пошевелился после долгого сна.

– Это... показалось, – прошептала Лея, сама не веря своим словам.

И в этот момент часы внутри тихо, очень тихо, словно испуганно, вздохнули.

Лея резко открыла крышку.

Часы лежали спокойно. Но стрелки – сначала едва заметно, затем увереннее – дрогнули и начали идти.

Тик.

Так.

И с первым звуком тикания комната словно изменилась. Тени стали немного глубже, воздух – плотнее, время – серьёзнее.

– Прекрасно, – раздался знакомый голос. – Как приятно снова быть не бесполезной безделушкой.

Лея улыбнулась так тепло, как давно не улыбалась.

– Мистер Секунда...

– Он самый, – ответили часы с привычной важностью. – И если честно... я совсем не собирался просыпаться просто ради беседы. Дело серьезнее.

Лея почувствовала, как где-то внутри сжалось и потеплело одновременно.

– Что случилось?

Ненадолго воцарилась тишина. Только тиканье – уже более тяжёлое, чем раньше.

– Город Чудес, – сказал Мистер Секунда тихо. – Он снова умирает.

У Леи перехватило дыхание.

– Но... ведь мы его спасли! – выдохнула она. – Мы помогли ему ожить! Он снова засиял...

– Вы спасли его тогда, – мягко подтвердили часы. – И это было по-настоящему. Он действительно ожил. Он снова верил людям. Он снова наполнился светом. Но чудеса нельзя вылечить «раз и навсегда». Они живые. Их нужно поддерживать. В них нужно верить каждый день.

Он на секунду замолчал, и Лея уже знала, что услышит дальше.

– Люди опять начали забывать.

Её сердце болезненно вздрогнуло. Она сразу вспомнила серые улицы. Взрослые лица. Голоса, в которых всё чаще слышится «надо» и всё реже – «хочу».

И вдруг... за окном будто что-то тихо стукнуло. Негромко, как лёгкий ветер. Но Лее показалось, что мир просто ска-

зал: «Слышишь?»

Она подошла к окну. Небо было тёмным и спокойным. Но где-то очень далеко сверкнула едва заметная полоска света. На короткий миг. Почти как воспоминание.

– Сейчас всё гораздо хуже, чем раньше, – продолжил Мистер Секунда. – Город не просто ослабевает. Его словно стирают. С каждым днём быстрее. Там появилась новая сила. Я бы даже сказал – новая беда. Гораздо опаснее прежней.

Лея сжала часы сильнее.

– Если мы... не пойдём?

Часы не стали шутить.

– Тогда он исчезнет. И вместе с ним исчезнет последняя надежда мира на чудеса.

Некоторое время Лея просто молчала. А потом тихо сказала:

– Значит... мы идём.

Стрелки словно улыбнулись.

– Я так и думал.

И, будто услышав эти слова где-то далеко, мир ответил сразу в двух местах.

Потому что в тот же вечер в комнате Артёма воздух тоже дрогнул, и знакомый голос спокойно произнёс:

– Поднимайся. Снова пришло время быть не просто шутником.

Артём замер. Потом очень медленно улыбнулся.

– Я знал, что всё это не могло закончиться просто так.

Через некоторое время они стояли рядом – Лея и Артём. И вдруг поняли, что не нужно никаких объяснений. Они всё поняли в тот момент, когда взглянули друг другу в глаза.

– Ты чувствуешь? – тихо спросил он.

– Да, – ответила она. – Город зовёт.

Мистер Секунда тяжело, но решительно тиканул.

– И знайте сразу: в этот раз будет сложнее. Но если вы думаете, что чудеса – это подарок, который можно положить на полку... вы ошибаетесь. За чудеса нужно бороться. И если вы готовы...

Лея кивнула. Артём тоже.

Город Чудес снова нуждался в них.

И они не собирались оставлять его одному.

Они не сказали об этом ни родителям, ни учителям. Не потому что хотели обманывать, а потому что очень ясно чувствовали: взрослые всё равно не поймут. Для них часы останутся просто старыми часами, а слова «Город Чудес умирает» прозвучат как «нам нужно меньше сидеть в телефонах». А здесь дело было совсем не в телефонах.

На следующий день всё будто нарочно старалось быть обычным. Утро началось с каши, маминых фраз про «не опоздай» и папиного привычного «будь реалисткой». Лея кивала, собирала рюкзак, слушала, но где-то под всеми этими звуками уже тикал другой ритм – мягкий, настойчивый, будто сердце мира стучало чуть громче.

В школе её встретили всё те же стены, тот же запах мела,

те же разговоры в коридоре: кто что получил, кто с кем поспорился, кому «надо уже думать о карьере». Лея шла по этому привычному шуму, а внутри всё время прислушивалась к другому – к тихому ощущению, что за этим слоем обычности теперь всегда стоит что-то ещё.

Артём ждал её у кабинета, опираясь на подоконник и глядя в окно. У него был аккуратно надутый вид человека, которому абсолютно всё равно, какой сегодня день, но стоило Лее подойти, он чуть заметно улыбнулся – как тот, кто встретил своего человека в толпе незнакомых.

– Ну что, – тихо сказал он, – наш график спасения мира, кажется, снова открылся?

– Кажется, да, – так же тихо ответила она.

Они вошли на урок. Учительница уже писала на доске тему: «Планирование будущего человека в современном обществе». Лея машинально достала тетрадь, записала дату и заголовок, но слова почти не задерживались в голове.

– Дети, – говорила учительница, – очень важно понимать: чтобы добиться успеха, нужно ставить реальные цели. Мечты – это хорошо, но...

Она на секунду задумалась, подбирая слово.

– Но они должны быть полезными, – подсказал Даня с первой парты.

– Именно, – кивнула учительница. – Никаких воздушных замков, никаких фантазий. Мир сейчас сложный, нам нужны конкретные планы.

Лея опустила взгляд в тетрадь, чтобы никто не увидел, как у неё дрогнули глаза. Она неожиданно ясно поняла: когда-то эти слова просто причиняли ей боль. Теперь же они казались опасными. Потому что каждый такой урок – это маленький гвоздик в крышку сундука, где живут мечты.

Она перевела взгляд на Артёма. Он сидел, подперев щеку рукой, и выглядел расслабленным. Но Лея уже знала: если смотреть внимательнее, можно заметить, как у него слегка напрягается линия плеч и как пальцы сжимают ручку чуть крепче, чем нужно.

«Город снова умирает», – напомнил внутри знакомый голос.

После урока они вышли в коридор и спрятались в небольшом закутке у окна, куда обычно никто не заходил – там было темно, пыльно и «неинтересно». Самое подходящее место для секретных разговоров.

– Он говорил, что стало хуже, – первой заговорила Лея. – Я... не могу перестать думать, как там сейчас... все.

– Я тоже, – признался Артём. – Вчера, когда он заговорил, у меня такое чувство было... будто мне вернули что-то, что я давно потерял. И одновременно стало страшно. Потому что, если там всё так плохо... значит, просто «поддерживать настроение» шутками уже не получится.

Он улыбнулся, но улыбка вышла другой – взрослой, что ли.

– Знаешь, что самое странное? – продолжил он. – Я ду-

мал, когда мы вернёмся, всё станет легче. Типа: справились с приключением, теперь можно отдыхать. А стало тяжелей. Потому что теперь я вижу, как здесь всё... сереет.

Лея кивнула.

– Мне тоже кажется, что город изменился, – призналась она. – Или... это мы изменились.

Они замолчали. В коридоре мимо пробегали дети, кто-то смеялся, кто-то спорил, кто-то жаловался на контрольную. Жизнь шла. Но в этом шуме была какая-то пустота, которую Лея раньше не замечала так ясно.

– Как ты думаешь, – вдруг спросил Артём, – если бы мы никому никогда не рассказали про Город Чудес, он всё равно бы исчез? Или он умирает именно потому, что все взяли и выбрали «быть реалистами»?

– Наверное, и то и другое, – тихо сказала Лея. – Люди не делают ничего специально. Никто же не встаёт утром и не говорит: «Сегодня я перестану верить в чудеса». Они просто... перестают. Потихоньку. От усталости. От страха. От того, что все вокруг говорят: «Это глупость».

– Значит, его убивает не злодей, а привычка, – подытожил Артём. – Скучно. Но логично.

Он попытался пошутить, но в голосе всё равно оставалось много серьёзности.

Вечером, когда Лея вернулась домой, мир вокруг будто решил проверить её на внимательность. В лифте две соседки обсуждали новости и всё время повторяли: «Надо быть праг-

матичными», «Главное – стабильность». В магазине мужчина недовольно отмахнулся от девочки, которая с восторгом рассказывала о «волшебной звезде, похожей на дракона» на небе. «Перестань фантазировать, ерунда», – сказал он, даже не посмотрев.

Лее стало холодно.

За ужином мама рассказывала о работе, о важных отчётах, о том, как «нужно держаться, мир не для слабых». Папа говорил о конкуренции и перспективах. Они не хотели ничего плохого. Они просто жили так, как их научили. Но каждое их слово будто ещё раз подтверждало: в этом мире всё меньше места тому, что не помещается в таблицу.

– Мам, – вдруг спросила Лея, сама удивляясь своей смелости, – а ты бы хотела, чтобы в мире... было больше чудес?

Мама остановилась с вилкой в руке, перевела на неё удивлённый взгляд.

– Чудес? – переспросила она. – В смысле... удачных совпадений?

– Нет, – покачала головой Лея. – В смысле... настоящих. Чтобы люди верили, что может случиться что-то хорошее, даже если никто не может это доказать.

Мама чуть заметно улыбнулась, но очень устало.

– Лей, – мягко сказала она, – это всё... очень по-детски. Мир так не работает. Нельзя на чудесах строить жизнь. Нужно надеяться на себя, на знания, на труд. А чудеса... ну, если повезёт, хорошо. Но рассчитывать на них – глупо.

– А верить в них – тоже глупо? – почти одними губами спросила Лея.

Мама уже не слышала. Телефон пискнул, и её внимание тут же переключилось на экран. Папа что-то пробормотал про «серьёзные разговоры не во время ужина», и тема была закрыта.

Но внутри Леи всё наоборот – открывалось. С каждым таким разговором, с каждым «будь серьёзной», с каждым «мир такой, какой есть» она всё отчётливее чувствовала: если ничего не сделать, их обычный город однажды станет таким же, как умирающие улицы Города Чудес. Только они этого даже не заметят.

Поздно вечером она сидела в комнате у окна, прижав к груди Мистера Секунду. Часы мерно тикали, как живое сердце.

– Почему... всё так? – тихо спросила она. – Почему нельзя просто один раз спасти город, и чтобы он жил?

– Потому что чудо – это не вещь, – ответил Мистер Секунда. – Это процесс. Оно рождается каждый раз заново. От каждого «я верю», от каждого «я попробую», от каждого «я не сдамся». Вы один раз помогли Городу вдохнуть. Но дышать за него вместо людей вы не можете.

– То есть... если люди снова перестанут мечтать, он будет умирать снова и снова? – уточнила Лея.

– Да, – просто ответили часы. – Пока кто-нибудь не поймёт, что чудеса – это не подарок, а ответственность.

Она долго молчала, слушая тиканье. Эти слова пугали и воодушевляли одновременно. Ответственность звучала повзрослому. Но в то же время она чувствовала: именно это делает их с Артёмом не просто случайными детьми, а кем-то... важным. Не для галочки, не для похвалы, а по-настоящему.

На другом конце города Артём лежал на кровати, уставившись в потолок. Он тоже держал телефон, но уже минут двадцать ничего не делал в нём, просто листал, не видя. В голове крутились те же мысли, что и у Леи.

«Ты просто шутник. Ты никому не нужен. Ты не герой», – словно заранее шептал ему знакомый тёмный голос, которого он ещё не видел, но уже чувствовал краем души.

– Неправда, – упрямо сказал он в пустоту. – Если бы я был только шутником, меня бы не позвали второй раз.

Он сел, опустил ноги на пол, потер лицо руками и усмехнулся сам себе:

– Вот тебе и «жить обычной жизнью». Не выходит.

И где-то там, между их комнатами и Городом Чудес, что-то тихо сдвинулось. Как будто огромный, усталый механизм снова начал приходить в движение. Пока медленно. Но уже не остановится просто так.

Город звал. А они постепенно переставали быть просто теми, кого позвали. Они становились теми, кто готов ответить.

Глава 2 – Возвращение в место, где дышит свет

Они не выбирали день. Не ставили галочек в календаре, не договаривались заранее. Просто наступил тот момент, когда стало ясно: ждать больше нельзя. Это было не решение, а ощущение. Как когда понимаешь, что воздух закончился, и нужно вдохнуть – прямо сейчас.

Чердак школы встретил их так же, как в первый раз, – пылью, полутемнотой и странным ощущением, что здесь время ведёт себя иначе. Лея держала в руках Мистера Секунду, и его тихое, серьёзное тиканье звучало громче любого шума за стенами.

– Ты уверен, что дверь всё ещё... здесь? – тихо спросил Артём, хотя сам уже чувствовал знакомое электрическое ожидание в воздухе.

– Если чудеса умирают, это не значит, что двери исчезают, – ответил Мистер Секунда. – Иногда наоборот: когда всё становится слишком плохо, мир сам ищет тех, кто решится открыть их снова.

Чердак был почти прежним. Почти – потому что теперь казалось, будто он стал тяжелее. Не физически – просто в воздухе повисло что-то серьёзное. Лея сделала несколько шагов вперёд, и сердце сразу узнало нужное место. Та самая стена. Та, которая делала вид, что она просто стена.

Только теперь она была не такой.

Раньше она будто спала, а теперь... она выглядела больной. Трещины, которых раньше не было, тонкие тёмные прожилки, как следы времени или волнения. И не было ощущение

ния, что она ждёт – скорее, что она терпит. Держится изо всех сил.

– Ей... больно, – тихо сказала Лея, не понимая, как она это знает, но полностью в этом уверенная.

– Городу больно, – поправил Мистер Секунда. – А он и есть дверь. И дорога. И надежда.

Лея протянула руку. Стена дрогнула. На секунду стало страшно – как будто она трогает рану. Но вместе со страхом пришло странное тепло: она не чужая. Она нужна.

Артём молча шагнул ближе и встал рядом, как будто это само собой разумеется.

– Мы вернулись, – сказал он.

Дверь отозвалась. Очень тихо. Очень осторожно. Сначала вздохнула, будто долго держала дыхание. Потом линии снова проступили на поверхности. И через мгновение перед ними снова была дверь. Та самая. Только теперь её свет был не ярким и радостным, как раньше. Он был слабым. Упрямым. Тем светом, который держится, потому что иначе нельзя.

– Готовы? – спросил Мистер Секунда.

Лея кивнула. Артём тоже. Они взяли за ручку одновременно.

Мир снова качнулся.

Переход в этот раз был другим. Не восторженным, не похожим на чудо, которое распахивает объятия. Он был похож на глубокий вдох человека, которому долго не хватало воздуха. Всё вокруг стало плотнее, темнее, тяжелее. Где-то да-

леко по-прежнему звенела музыка, но не радостно – как будто она устала, но не сдаётся.

И потом – свет.

Не оглушительный. Не ослепляющий. Живой. Тёплый. Но в этот раз – раненый.

Город Чудес был здесь.

Только он изменился.

Лея замерла. Ей вдруг захотелось и плакать, и бежать навстречу, и обнять весь город сразу.

Когда-то улицы светились так, будто каждая из них была мелодией. Теперь свет здесь тускнел. Как будто кто-то аккуратно стирал краски, оставляя серые полосы. Одна половина дома могла быть всё ещё живой – окна светились, стены переливались мягкими цветами. А другая половина... серела. Выцветала. Крошилась по краешкам.

Когда-то воздух был сладким, как радость. Теперь в нём чувствовалась прохлада тревоги.

– Ого... – тихо выдохнул Артём. – Это... не просто плохо.

Город всё равно был прекрасным. Даже таким. Но теперь его красота была хрупкой. Такой, от которой сердце болит ещё сильнее.

И вдруг впереди вспыхнул огонёк. Яркий. Настоячивый. Совсем как смех в темноте. И прямо к ним сорвалась Искра.

– Вы пришли! – закричала она, сияя от радости... и в тот же момент свечась заметно слабее, чем раньше. – Я знала, я знала, я знала, что вы не оставите нас!

Она закружилась вокруг них, оставляя за собой тонкую дорожку света, которая гасла быстрее, чем раньше. И это тоже было больно видеть.

– Вы... стали... тусклее, – осторожно сказала Лея, боясь обидеть.

– А Город стал тяжелее, – услышали они спокойный, мягкий голос.

Из тени вышел Тень. Такой же тихий, как и прежде, но его очертания стали тоньше, ломче, будто его могли развеять одним неправильным словом.

– Привет, – он улыбнулся. – Я рад, что вы здесь. Даже если это значит, что дела совсем плохи.

– Насколько плохи? – серьёзно спросил Артём.

И Город ответил сам.

Где-то недалеко по улице пробежала трещина по мостовой. Дом неподалёку дрогнул, его цвет погас наполовину. Со звуком, похожим на выдох, часть стены осыпалась... но не вниз. Она словно растворилась в воздухе.

– Что это? – прошептала Лея.

Искра перестала сиять на секунду.

– Туман, – сказала она тихо. – Он пришёл.

– Туман Забвения, – добавил Тень. – Он не просто разрушает. Он стирает. Люди перестают помнить свои мечты. А что забыто – умирает здесь.

Лея почувствовала, как сердце внутри упало чуть ниже. Забвение. Это даже страшнее, чем страх. Потому что страх

– живой. А забвение – пустое.

– Где он? – спросил Артём, сжав кулаки.

– Он не «где», – ответил Тень. – Он – над всем. Он просачивается в каждый угол, он не бьёт сразу. Он тихий. И поэтому опаснее.

Лея подняла взгляд. И только теперь заметила: высоко над городом, среди неба, которое раньше сияло как праздник, теперь медленно плыла огромная бледная масса. Она была не чёрной – наоборот, почти прозрачной. Бесцветной. В ней не было ни света, ни тьмы. Она была как пустой лист, который хотел стать всем... стирая всё остальное.

– И Безлик... – прошептала Лея.

– Он стал сильнее, – сказал Тень. – И умнее. Теперь он не пытается напугать. Он пытается убедить, что мечты – это лишнее. Что без них легче. Спокойнее. Тише.

– И многие соглашаются, – добавила Искра, потускнев.

Где-то рядом прошёл житель Города. Когда-то яркий, невероятный, он теперь был полупрозрачным. Его лицо было размытым, как забытая картинка. Он посмотрел на детей... и на секунду в его глазах вспыхнул свет – узнавание, радость.

– Они вернулись... – прошептал он.

И на миг он стал ярче.

И этого оказалось достаточно, чтобы Город, несмотря на все раны, всё-таки улыбнулся. Не широко. Не победно. Но тепло.

Они вернулись.

И значит, надежда ещё жива.

Стоило этим словам прозвучать, как из-за угла выскочило что-то похожее на маленький вихрь красок. Оно завертелось, оставляя за собой след из разноцветных штрихов, и в следующую секунду превратилось в невысокого человечка с шапкой, похожей на перевёрнутую кисточку.

– Они тут! Настоящие! – закричал он так громко, что даже бледные стены рядом дрогнули. – Я же говорил, что вернутся, а вы: «Это всё сказки, это просто эхо...»

За ним показались другие жители Города. Кто-то – с крыльями из бумаги, кто-то – с волосами, сотканными из музыкальных нот, кто-то – почти прозрачный, едва заметный. Некоторые были ярче, другие – еле-еле светились. Но у всех в глазах появилось одно и то же выражение: смесь радости, облегчения и тихой боли.

– Лея... Артём... – девочка с волосами-лентами, которую они видели в прошлый раз, подошла ближе и улыбнулась, но её улыбка как будто не могла разгореться до конца. – Вы правда здесь...

Лея вдруг почувствовала, как в горле встаёт комок. Ей очень захотелось сделать что-то простое и человеческое – подойти и обнять всех сразу. Но людей было много, и вместо этого она просто шагнула вперёд и тихо сказала:

– Мы скучали.

Город отозвался мягким светом под её ногами. Словно он

тоже сказал: «Я тоже».

– Скучать – это, конечно, полезно, – проворчал Мистер Секунда, – но давайте переходить к конкретике. Сколько частей города уже... хм... стерто?

Он произнёс это слово так осторожно, будто боялся, что оно само по себе может причинить боль.

Тень посмотрел на дома, стоящие поодаль. Один был почти прежним: на его стенах бегали световые зайчики, на крыше лениво переливалась радуга. Другой – наполовину исчез. Окна там были тёмными провалами, как пустые глазницы, а стена, ещё недавно украшенная рисунком летающих книг, теперь была бледным пятном.

– Слишком много, – ответил Тень. – Есть улицы, куда уже нельзя зайти. Не потому что страшно. Потому что там... ничего нет.

– А как всё началось? – спросил Артём.

Искра вздрогнула.

– Сначала думали, что это просто туман. Обычный. Он пришёл ночью. Мягкий, белый, тихий. Мы привыкли к странным вещам, никто не испугался. Но утром... – она замолчала и на секунду потускнела. – Утром некоторые дома стали бледнее. Жители забыли, чем они мечтали быть. Они улыбались и говорили: «Наверное, это было неважно». А мы знали, что это была их главная мечта.

– И с каждым днём он возвращался, – продолжил Тень. – Только теперь не уходил до конца. Люди стали забывать не

только свои мечты, но и сам Город. Некоторые жители смотрят вокруг и говорят: «Что это за странное место? Я, кажется, здесь никогда не был...» А они жили здесь всю свою жизнь.

Лея почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она попыталась представить, как это – однажды проснуться и не помнить, что ты вообще мечтал. Не помнить, что когда-то верил, что можешь быть другим. Это было страшнее любой темноты.

– Почему вы не могли остановить его сами? – спросила она почти виновато. – Город ведь сильный. Вы все... необычные, смелые...

– Мы связаны с мечтами людей, – тихо сказал Тень. – Когда люди боятся или сомневаются, нам тяжело. Но пока они хотя бы помнят, что когда-то мечтали, мы живём. А Туман Забвения не пугает. Он делает вид, что помогает. Он шепчет: «Зачем тебе это? Мечты – это тяжело. От них болит. Забудь – будет легче». И многие... соглашаются.

– Забыл – значит, не болит, – глухо добавила Искра. – Только вместе с болью пропадает и свет.

Воздух вокруг чуть дрогнул. На мгновение стало тише, чем обычно. И в этой тишине Лея вдруг услышала что-то странное – будто кто-то совсем рядом произнёс её имя. Не вслух. Внутри.

Она обернулась. Рядом никого нового не появилось. Но на мгновение из переулка, ведущего вглубь города, выполз

тонкий белёсый клочок тумана. Он был маленьким, безобидным, похожим на облачко, которое заблудилось.

– Лея... – прошептал он, или ей показалось. – Тебе тяжело. Ты хочешь, чтобы стало проще. Ты же устала быть «той, кто верит». Можно просто... перестать. Оставь всё. Забудь этот город. Забудь свои странные вопросы. Будет тише. Спокойнее. Никто не скажет, что ты... странная.

На секунду ей показалось, что внутри что-то действительно расслабляется. «А ведь и правда, – мелькнула мысль. – Было бы проще не чувствовать так много. Не переживать. Жить, как все...» Картинка: обычный день, обычная школа, обычные разговоры. Без тайных часов, без тяжёлых вопросов, без страха за целый город. Просто тетради, оценки, прогноз погоды, фильмы по вечерам.

Просто.

Туман приблизился. Лёгкий-лёгкий. Он не давил, не тянул. Он просто потихоньку вытягивал наружу её воспоминания. В первую очередь – самые яркие, самые важные. Вот Город Чудес сияет – и вдруг как будто чуть тускнеет. Вот Искра смеётся – её голос становится тише. Вот Артём стоит рядом у двери, и от его фигуры чуть-чуть отрезает край.

– Перестань, – вдруг сказал кто-то, и туман вздрогнул. Это был голос Артёма. Не громкий, не геройский, но очень живой.

Он шагнул вперёд и встал между Леей и туманом. Лицо у него было серьёзным, даже злым.

– Слушай сюда, облако с плохими идеями, – сказал он, сжав кулаки. – Может, ты и умеешь делать вид, что помогаешь, но мы уже видели, что происходит, когда мечты бросают. Ничего хорошего. Так что топай обратно туда, откуда выполз.

Туман словно замер. На секунду показалось, что он смеётся. Тихо, беззвучно.

– Ты боишься, – прошептал он. – Ты боишься, что никогда не станешь настоящим героем. Что ты смешной. Лишний. Если забудешь, будет легче.

Лея в этот момент уже начинала выбираться из липкой ваты его слов. Голова прояснилась, и она поняла: ещё чуть-чуть – и она бы действительно... отпустила. Без борьбы. Просто потому, что «так проще».

– Не слушай, – прошептала она. – Это не правда.

– Конечно, не правда, – фыркнул Мистер Секунда. – Правда гораздо неприятнее. Правда в том, что героем становится тот, кто не сдаётся, даже если его называют смешным. А не тот, кто сразу лезет под одеяло забвения.

Армия маленьких, почти невидимых искорок поднялась над улицей. Это были крошечные, едва живые кусочки чьих-то забытых «я хочу...». Они дрожали, но, увидев детей, вспыхнули чуть ярче. И туман, хоть и не полностью, но отступил. Ненадолго. Словно решил: «Ладно. С этими пока труднее. Но я подожду».

Он растворился в воздухе. Но ощущение его шёпота оста-

лось внутри. Не как голос, а как слабое эхо сомнений.

– Вот он, – тихо сказал Тень. – Туман Забвения. Он не нападает однажды. Он приходит много раз. Каждый день. Потихоньку.

– И если каждый раз выбирать «так проще», – закончила за него Лея, – от города ничего не останется.

Искра приблизилась и осторожно коснулась ладони Леи тёплым светом.

– Ты почувствовала? – спросила она. – Не страх. Именно... соблазн. Перестать. Вот почему нам было так страшно самим. От страха можно спрятаться. От усталости – тоже. А от желания больше не бороться... очень трудно.

Лея кивнула. Ей было и страшно, и... стыдно. Потому что на секунду она действительно хотела, чтобы всё закончилось. Чтобы никто ничего от неё не ждал. Чтобы можно было снова быть обычной девочкой с обычными проблемами.

– Ничего, – неожиданно мягко сказал Артём, словно догадался, о чём она думает. – Если бы было легко, нас бы сюда не позвали. Значит, мы нужны именно такими – со страхом, со злостью, с усталостью... но всё равно здесь.

Он оглядел город вокруг.

– Итак, – сказал он уже громче, – если это война с забвением, нам нужно понять, с чего начать.

– Для начала, – ответил Мистер Секунда, – вам нужно увидеть, как много ещё можно спасти. Когда видишь только разрушение, очень легко сдаться. А когда видишь то, ради

чего стоишь... тогда сложнее сказать «пусть исчезнет».

Город словно услышал эти слова. Вдалеке вспыхнули огни. Где-то заиграла тихая музыка, немного хрипловатая, но всё ещё прекрасная. Несколько жителей подошли ближе. Один с книжными страницами вместо шарфа. Другая с глазами, в которых отражались сразу все рассветы, что когда-либо были в этом мире.

– Мы помним вас, – сказала она. – И если вы здесь... значит, у нас ещё есть шанс.

Лея вдохнула. Воздух был прохладным, но в нём всё ещё жило тепло.

– Тогда мы не уйдём, пока не узнаем, как остановить этот туман, – тихо сказала она. – Обещаю.

И где-то высоко, над чёрно-белой массой Тумана, на самое-самое мгновение вспыхнула крошечная звёздочка. Настолько маленькая, что её почти не было видно. Но Город Чудес её заметил.

А значит, у него действительно оставался шанс.

Глава 3 – Туман, который крадёт память

Туман пришёл не сразу. Сначала это были мелочи.

Лея и Артём заметили, что в некоторых местах города воздух словно становился густее. Там свет гас чуть быстрее, музыка звучала тише, а жители торопились пройти, не задерживаясь. Никто не говорил: «Я боюсь», – но у всех в глазах появлялось это знакомое взрослое выражение: «Мне некогда».

– Здесь всегда так было? – спросила Лея, когда они с Искрой и Тенью остановились на перекрёстке трёх улиц.

Одна улица светилась мягким золотым сиянием, от неё пахло ванилью, смехом и детскими рисунками. Вторая наполовину серела, словно её кто-то аккуратно стёр наполовину ластиком. А третья впереди была затянута чем-то белёсым, тянущимся, похожим на туман после дождя. Только дождя здесь не было.

– Нет, – тихо сказал Тень. – Раньше здесь была Улица Первых Шагов. По ней проходили все те, кто только начинал верить в свою мечту. Она всегда была очень шумной.

– А теперь? – спросил Артём.

– Теперь... – Тень пожал плечами. – Теперь туда лучше не заходить одному.

Туман лежал низко, стелился по мостовой, обнимал фонари. Они ещё горели, но свет прорезал эту белёсую массу с трудом, словно даже свету пришлось напрягаться.

– Я думала, он будет страшным, – шёпотом призналась Лея. – А он... просто туман.

– В этом и проблема, – вздохнул Мистер Секунда. – Люди привыкли бояться того, что рычит и скалится. А то, что шепчет: «Тебе будет легче», – они часто приглашают сами.

Искра взвилась выше, ближе к туману, и тут же её свет стал тускнеть.

– Осторожно! – воскликнула Лея.

– Я в порядке, – ответила Искра, хотя голос прозвучал

слабее. – Я только... чуть меньше. Подумаешь.

Она попыталась рассмеяться, но смех вышел не звонким, а хрупким.

– Смотрите, – тихо сказал Артём.

Из тумана вышел житель Города. Высокий мужчина с плащом, который всё время менял цвет, как настроение. Только сейчас плащ был почти бесцветным. На лице – пустота. Не в том смысле, что грустно, а в том, что на нём почти не осталось черт. Лея пригляделась и поняла: линии губ, глаз, носа будто стёрли. Остались только размытые тени.

– Здравствуйте, – осторожно сказала она. – Вы... как себя чувствуете?

Мужчина остановился. На секунду в его взгляде промелькнуло что-то человеческое, живое.

– Я... – он нахмурился, словно вспоминал слово. – Я... кто?

Лея почувствовала, как внутри всё сжалось.

– Вы житель Города Чудес, – быстро сказала Искра. – Ты, помнишь? Ты придумал улицу, где дома меняют цвет по настроению, и мост, который играет музыку, когда по нему идут!

– Я... правда? – Мужчина попытался посмотреть на свои руки. – Я... что-то когда-то хотел. Очень. Хотел, чтобы люди... могли быть... другими. Не такими, как им говорят. Но... – он замолчал. – Это было... давно? И... это было важно?

Туман ласково обвил его плечи.

– Не вспоминай, – шепнул он. – Зачем? Тебе было больно, когда не получалось. Ты старался, тебе не верили. Сейчас так спокойно. Ходишь себе. Ничего не ждёшь. Ничего не хочешь. Ничего не болит.

Лицо мужчины стало ещё более размытым. Лея сделала шаг вперёд.

– Это было важно, – твёрдо сказала она. – Очень. Поэтому мы здесь.

Он посмотрел на неё. В его глазах мелькнула искорка – крошечная, но настоящая.

– Важно... – повторил он. – Если оно было важно... значит, я... не должен был забывать... да?

Туман дрогнул, словно его кто-то ударил невидимой палкой.

– Зачем тебе это? – зашептал он. – Ты уже почти свободен от всего. Свободен от надежд. Свободен от разочарований. Зачем снова возвращаться туда, где больно?

– Потому что там и радость, – вмешался Артём. – Без мечты ты как... как телефон без зарядки. Вроде есть, а толку ноль.

Мужчина хрипло засмеялся, словно его голос давно не пользовался смехом.

– Телефон без зарядки... это грустно, да?

Он провёл рукой по своему плащу. Тот на секунду вспыхнул мягким цветом – светло-голубым, как утреннее небо, –

и тут же снова стал бледным.

– Я... попытаюсь вспомнить, – прошептал он. – Спасибо.

И пошёл дальше, чуть твёрже, чем раньше. Туман не исчез – но немного отступил в сторону, как обиженный кот, которого прогнали с подоконника.

– Получилось? – спросила Лея.

– Временно, – ответил Тень. – Он вспомнил, что мечта была важной. Но пока люди в его мире не вспомнят его мечту о таких улицах, он будет таять. Мы можем только задержать.

– А кто... управляет этим туманом? – нахмурился Артём. – Он же не сам по себе появился.

Ответ пришёл раньше, чем кто-либо успел его сформулировать.

Город резко стих. Музыка, звучавшая где-то вдали, оборвалась. Фонари вокруг чуть померкли. Даже воздух стал чуть холоднее.

И из тумана... выплыло лицо.

Нет, не совсем лицо. То, что пыталось им быть. Оно было как отпечаток в воде: то появлялось, то растворялось, оставляя после себя только ощущение пустоты. Там, где у людей бывают глаза, у него была гладкая, блестящая поверхность, чуть отражающая свет. Нос, рот – всё расплывалось. Но присутствие было таким сильным, что Лее захотелось отступить.

– Безлик, – прошептала она.

В Городе это имя знали все. И оно никогда не звучало громко.

– Давно не виделись, малыши, – голос прозвучал прямо внутри головы. Не громко, не криком – скорее как тихий разговор ночью, когда все спят. – Вы подросли. Не ростом... сомнениями.

Лея попыталась ответить, но голос как будто приклеился к горлу. Первый раз она столкнулась с Безликом, когда они спасали город в прошлый раз. Тогда он был больше похож на страшную тень, на шёпот, который пугает, но не дотягивается. Сейчас всё было иначе. Теперь он не пугал. Он звучал... убедительно.

– Я вижу, вам уже показали мою новую игрушку, – мягко продолжил он. – Туман. Люди всегда его любили. Туманы, дождь, серое небо. Ни света, ни тьмы. Ничего лишнего. Очень удобно.

– Это не просто туман, – наконец выдохнула Лея. – Это... то, что стирает людей.

– Как громко сказано, – насмешливо отозвался Безлик. – Я ничего не стираю. Я лишь помогаю им забыть то, что делает им больно. Мечты – это же сплошные проблемы. Ты хочешь одного, у тебя не получается, ты переживаешь, страдаешь... Зачем всё это, если можно просто... не хотеть?

Рядом тихо пискнула Искра. Её свет стал совсем маленьким, как огонёк спички на ветру.

– Ты забираешь их лица, – прошептала она. – Их голоса. Их истории.

– Я забираю лишнее, – спокойно ответил Безлик. – Уста-

лость. Надежды, которые всё равно не сбудутся. Разочарования. Неужели вы не видите, как им легче потом ходить по своим серым улицам? Никто ни от кого ничего не ждёт. Никто не боится ошибиться. Красота.

– Это не красота, – резко сказал Артём. – Это... как если бы взять книгу и вырвать из неё все страницы, где что-то происходит. Оставить только обложку.

– Зато обложка не разочарует, – отозвался Безлик. – Она всегда одинаковая.

Мистер Секунда тикнул так громко, что на секунду заглушил этот голос.

– Ты стал наглее, – сказал он. – Раньше ты хотя бы притворялся темнотой. Теперь ты притворяешься заботой.

– Люди меня сами зовут, – не обиделся Безлик. – Каждый раз, когда кто-то думает: «Лучше уж ничего не хотеть, чем снова обжечься», – это они протягивают мне руку. Каждый раз, когда взрослый говорит ребёнку: «Перестань мечтать ерунду, будь как все», – это они открывают мне дверь. Я лишь пользуюсь тем, что вы сами создаёте.

Лея почувствовала, как у неё по коже побежали мурашки. Слова Безлика были как холодная вода: неприятные, но слишком правдоподобные, чтобы просто отмахнуться.

– И ты решил, что теперь будешь командовать целым городом? – спросил Артём. – Слишком много для того, у кого даже лица нет.

– Лицо – это лишнее, – отрезал Безлик. – Лица приходит-

ся отвечать за свои выражения. А мне... не в чем оправдаться. Вы сами меня придумали. Я всего лишь... вырос.

Туман вокруг них стал плотнее. Он не лез внутрь, не душил. Он просто окружал, оставляя всё меньше видимой реальности. В нём растворялись линии домов, расплывались вывески, исчезали таблички.

– Закройте глаза, – неожиданно сказал Тень. – Иначе начнёте забывать.

Лея послушалась. Сначала ей показалось странным – прятаться от тумана в темноту. Но тут она поняла: в темноте хотя бы остаются твои собственные мысли. А если смотреть в эту белую пустоту слишком долго, она заполняет всё.

– Я вернусь, – сказал Безлик. – Вы ещё передумаете. Знаете, что самое интересное? Большинство не нуждается в том, чтобы их пугать. Они сами приходят ко мне, когда устают от своих же надежд.

Его голос стал удаляться. Туман не исчез полностью, но стал рассеиваться, как дым.

– Он стал сильнее, – выдохнула Лея, наконец открывая глаза. – И... он говорит вещи, которые почти... звучат правильно.

– В этом и есть опасность, – сказал Мистер Секунда. – Самые страшные слова – те, в которых наполовину есть правда. Но только наполовину.

Они пошли дальше по улице. Теперь Лея видела знаки тумана везде. Здесь – лавка, где раньше витрины показывали

оживающие истории, а теперь стекло было матовым, пустым. Там – скамейка, на которой сидела девочка-существо с крыльями из мелодий, и молчала. Её крылья потускнели, ноты слетели с перьев и растворялись в воздухе.

– Ты чего тут одна? – спросил её Артём, присаживаясь рядом.

– Я... вроде бы кого-то ждала, – задумчиво сказала девочка. – Очень ждала. Каждый день. А теперь... не помню кого. Но если не помню, значит, не так уж это и важно, правда?

Она улыбнулась. Слишком спокойно. Лея почувствовала, как у неё внутри всё переворачивается.

– Важно, – прошептала она. – Очень важно. Даже если ты забыла, сердце помнит.

Девочка удивлённо посмотрела на неё и прижала ладонь к груди.

– Что-то... да, – сказала она. – Здесь... щемит. Но головой не помню.

– У тумана есть слабое место, – окончил за неё Тень. – Он может добраться до памяти, но не до сердца. Поэтому он и старается сделать так, чтобы люди перестали его слушать.

Лея вдруг ясно поняла: то, что происходит в Городе Чудес, – это не просто магическая беда. Это то, что уже давным-давно началось в их обычном городе. В каждом «будь как все», в каждом «перестань выдумывать», в каждом «так устроена жизнь».

Ей стало страшно не за Город Чудес. За их мир.

– Если он научится полностью приходить к нам... – начала она.

– Он уже учится, – тихо ответил Мистер Секунда. – Пока вмешивается только в мечты. Потом начнёт стирать и остальное.

Артём сжал кулаки так, что побелели костяшки.

– Значит, нам надо не просто спасти этот город, – сказал он. – Нам надо научиться защищать и свой.

– Для этого сначала нужно выстоять здесь, – мягко сказал Тень. – Город Чудес – как сердце всех ваших «когда-нибудь». Если оно остановится, вашим «когда-нибудь» некуда будет приходить.

Лея всмотрелась в даль, туда, где туман плыл над улицами, как огромный, ленивый зверь без формы. И впервые не только испугалась – разозлилась.

– Он не имеет права решать за людей, что им помнить, – сказала она. – Даже если они устали. Даже если им больно. Это их жизнь. Их мечты. Их выбор – бороться или нет.

– Но иногда тем, кто устал, нужно напомнить, что выбор ещё есть, – добавил Артём. – Иначе они даже не поймут, что уже сдались.

Искра вспыхнула чуть ярче.

– Значит, вы будете теми, кто напоминает? – спросила она. – Даже когда туман говорит: «Забудь, так проще»?

Лея посмотрела на неё, потом на Тень, потом на город, который всё ещё дышал, хоть и тяжело.

– Да, – сказала она. – Мы будем теми, кто помнит. И теми, кто возвращает память.

Где-то далеко, над крышами, туман на секунду вздрогнул. Совсем чуть-чуть. Но он почувствовал, что у него появились враги не среди сказочных существ, а среди детей, которые не согласны жить в мире без мечты.

А это было для него гораздо опаснее.

Лея думала, что самое тяжёлое – это видеть серые улицы. Но оказалось, что куда тяжелее – видеть, как люди перестают быть собой на глазах.

Они шли дальше, и Туман Забвения будто следил за ними. Не нападал, не бросался, а просто присутствовал. Как погода, к которой привыкают, пока не понимают, что давно перестали видеть солнце.

Возле маленькой площади они слышали спор. Точнее – должен был быть спор, но получалась какая-то странная тишина с обрывками слов. Двое жителей стояли друг напротив друга. Один – мальчик лет двенадцати, но весь сотканный из летящих бумажных самолётиков. Другой – высокая девочка с волосами, похожими на сотню разноцветных ленточек. Они явно пытались что-то доказать друг другу.

– Я всегда... я хотел... – мальчик говорил, потом терял фразы, снова начинал. – Я... хотел быть тем, кто... кто... запускает...

Он остановился. Бумажные самолёты вокруг него замедлились, затем начали осыпаться прямо на мостовую, превра-

щаяся в обычные листочки без рисунков.

– Ты хотел учить людей не бояться первого шага, – тихо подсказала Искра, подлетая ближе. – Ты показывал, что можно подняться выше, если рискнуть.

– Правда? – искренне удивился мальчик. – Это... звучит красиво. Наверное, я был... смелым?

– Был, – кивнул Тень. – И можешь быть.

– А зачем? – вдруг спокойно спросила девочка-ленточка. Раньше её волосы сияли, переливались, будто сами танцевали. Теперь они повисли тяжёлыми полосами. – Все равно никто не слушает. Все говорят: «Это глупости». Зачем стараться?

Туман мягко обвинил её щиколотки. Совсем немного. Нежно. Как кошка, которая трётся о ногу.

– Вот, – шепнул он. – Посмотри, как удобно. Ничего не ждать, ничего не требовать. Не ошибёшься – если не начнёшь.

Глаза девочки стали пустее.

– Да, – тихо сказала она. – Может, правда... незачем.

– Неправда, – сказала Лея так твёрдо, что сама удивилась своему голосу. – Очень даже «зачем».

Она подошла ближе, чувствуя, как сердце бьётся слишком быстро. Но отступать не захотелось ни на секунду.

– Ты была той, кто показывал, что каждый человек – не один. Что у каждого есть ленточка, ниточка, связка с кем-то другим. Ты собирала людей вместе. Ты помогала им пом-

нить, что рядом есть те, кто верит. Это не «зачем». Это – жизнь.

Лента на волосах девочки дрогнула. Совсем чуть-чуть.

– А если я... больше не смогу? – её голос стал почти детским.

– Тогда будем вместе вспоминать, – ответила Лея. – Пока можем.

Туман тихо зашипел. Не громко. Но раздражённо. Будто кто-то наступил ему на хвост.

– Вам нельзя здесь так долго задерживаться, – предупредил Тень. – Чем дольше стоишь рядом с ним, тем сильнее он ищет слабые места.

– Он уже их нашёл, – буркнул Мистер Секунда. – Это дети. У них слабые места – целое поле. Но у них и сердца большие. Это путает туман.

И вдруг они заметили ещё одно.

На скамейке у фонтана сидела женщина. Когда-то она, видимо, была удивительно красивой – не той красотой, которая из журналов, а своей, живой, тёплой. От неё должно было исходить ощущение праздника. Но сейчас она сидела идеально ровно, руки сложены на коленях, взгляд устремлён в никуда.

У неё не было лица.

Совсем.

Гладкая, ровная поверхность. Как чистый лист. Как будто жизнь сказала: «Ну, раз ты не знаешь, кто ты, давай вообще ничего не будет».

– Это... – Лея почувствовала, как к горлу снова подступает комок.

– Она была хранительницей Смеха, – прошептала Искра. – Она собирала смешные моменты людей. Сохраняла их, чтобы мир не становился слишком тяжёлым. Люди столько смеялись раньше...

– А потом? – спросил Артём.

– Потом ей начали говорить, что смех – несерьёзно, – ответил Тень. – Что радость – это глупость. Что взрослым людям не до смеха. Она пыталась доказывать, пыталась удержаться... А потом устала. И туман пришёл.

Лея подошла ближе.

– Эй... – тихо сказала она, не зная, слышит её женщина или нет. – Ты была очень нужна миру.

Пустое лицо чуть дрогнуло. Совсем-совсем немного, как рябь на воде.

– Ты помогала людям помнить, что они живые, – продолжила Лея. – Что можно смеяться, даже если трудно. Что даже в тяжёлые дни есть что-то тёплое. Это не «несерьёзно». Это... смелость.

Женщина не ответила. Но на гладкой поверхности лица проступили две светлые линии – как будто там пытались появиться глаза. Только немного. Но это было.

Туман не выдержал.

– Хватит, – прошипел он. – Вы слишком много чувствуете.

Словно огромная волна, он поднялся выше и накрыл площадь. Всё стало белым. Не мрачным. Не страшным. Просто белым. И именно это было хуже всего.

Лее показалось, что мир исчез. Не разрушился – а просто перестал быть. Как будто кто-то нажал на кнопку «стереть».

– Не двигайтесь! – крикнул Тень. – Помните! Просто помните что-нибудь!

Лея зажмурилась. И удержала.

Она удержала первую искру, которую они увидели тогда, в самом начале. Удержала улицу, где дома дышат музыкой. Удержала, как они с Артёмом стояли рядом у двери. Удержала то чувство, когда сердце вдруг понимает: «Я нужна».

Туман бил по этим воспоминаниям, пытаясь разорвать, разбавить, растворить.

– Это больно, – прошептала Лея.

– Потому что живое, – ответил Артём где-то рядом. Он тоже держался. – И потому что твоё. А он не любит чужое.

Туман заколебался. Не исчез – но больше не накрывал их полностью. Он отступил, словно понял, что эти двое – трудные объекты. Слишком упрямые. Слишком «я помню».

Лея открыла глаза.

Мир вернулся. Яркость – нет. Музыка – нет. Но мир – да.

– Он хотел... чтобы мы исчезли вместе с ними, – сказала она.

– Он хотел, чтобы вы устали, – поправил Мистер Секунда. – А потом сами сказали: «Хватит бороться».

– Но мы не скажем, – твёрдо произнёс Артём.

И где-то внутри города что-то отозвалось. Не громко. Но уверенно.

Они шли дальше, и с каждым шагом Лея понимала: да, это сказка. Но не из тех, где всё решается волшебной палочкой. Здесь нужно не просто побеждать монстров. Здесь нужно удерживать себя. Свои чувства. Свою силу верить.

И это оказалось куда труднее.

Но где-то глубоко внутри она почувствовала: они справятся. Потому что есть вещи, которые туман не может забрать, если ты держишь их не разумом, а сердцем.

И этим вещи становились сильнее, чем страх.

Глава 4 – Миссия Хранителей

После встречи с туманом город будто стал тише. Не так, как вечером перед сном, а так, как бывает после сильного испуга, когда все стараются дышать потише, чтобы вдруг чего не спугнуть или не разбудить. Лея шагала по мостовой и чувствовала, что каждый её шаг отзывается где-то глубоко под улицами, в самом сердце Города Чудес.

– Нам нужно место, где можно говорить честно, – произнёс Мистер Секунда. – Без эха тумана и без лишних ушей.

– Есть такое, – кивнул Тень. – Площадь Сердца. Там город слушает внимательнее всего.

Их вывели на небольшую площадь, спрятанную между домом-музыкой и домом, похожим на огромный чайник, из крыши которого поднимались тёплые паровые облачка. Пло-

щадь была не самой яркой, но от неё исходило ощущение спокойствия. В центре стоял круглый невысокий постамент, похожий на камень, но живой: Лея, прикоснувшись, почувствовала едва заметное сердцебиение.

– Здесь Город... дышит? – удивилась она.

– Здесь он слушает, – поправил Тень. – И запоминает.

Искра устроилась чуть выше, словно маленькое солнце, подсвечивающее их лица. Тень сел на край постамента, тихий и почти незаметный, но от этого только более внимательный. Несколько жителей Города подошли и остановились поодаль. Они не вмешивались, но Лея чувствовала: то, что сейчас будет сказано, важно для всех.

– Итак, дети, – начал Мистер Секунда, – раз вы не убежали после первой же встречи с Туманом Забвения, можно перейти к главному. И, увы, к более сложному.

– Отлично, – пробормотал Артём. – Я всегда мечтал, чтобы «главное» и «сложное» шли в одном предложении.

– Это они почти всегда так и делают, – сухо заметили часы. – Слушайте внимательно. Город Чудес держится на трёх Великих Чудах. Не на кирпичах, не на магических заклинаниях и даже не на мозгах его создателей, хотя они были неплохи. На Чудах.

Лея инстинктивно выпрямилась. Сердце забилося быстрее. Про чудеса говорить в этом месте было особенно... серьёзно.

– Первое Чудо вы уже нашли, – продолжил Мистер Се-

кунда. – Искра Надежды. Без она город давно бы погас. Надежда – это то, что зажигает свет даже в самых тёмных углах. Вы помогли её вернуть, и за это город вам... более чем благодарен.

На секунду Лея вспомнила, как они в первый раз, ещё почти не понимая, что делают, спасали улицы и дома. Тогда всё казалось невероятным приключением, где страшно, но с каким-то внутренним уверенным «у нас получится». Сейчас такого ощущения не было. Было тяжелее. Но и важнее.

– Второе Чудо, – стрелки Мистера Секунды чуть дрогнули, – это Смелость Сердца. Не путать с храбростью без мозгов, – он бросил взгляд на Артёма, – и не путать с хвастовством.

– Эй, я вообще-то сейчас молчу и веду себя прилично, – тихо возмутился Артём. – Это уже прогресс.

– Вот именно, – заметили часы. – Смелость Сердца – не про то, чтобы лезть в опасность ради красивых слов. Это про то, чтобы делать то, что правильно, даже когда страшно, стыдно, непонятно и ужасно хочется спрятаться под одеяло. Она защищает город от забвения сильнее, чем любые стены. Потому что туман особенно любит тех, кто не решается.

Искра слушала, слегка дрожа. Её свет словно отзывался на каждое слово.

– А третье Чудо? – спросила Лея. Внутри всё сжалось, потому что она уже догадалась: третье Чудо – не для этой части их истории.

– Третье... – вздохнул Мистер Секунда. – О нём поговорим потом. Если вы дойдёте. Сейчас важно второе. Туман Забвения особенно силён там, где люди боятся быть собой. Боятся говорить вслух то, что действительно чувствуют. Боятся признаться даже себе, что мечтают. Смелость Сердца – единственное, что может удержать их от полного исчезновения.

Тень поднял голову.

– Но... – тихо произнёс он, – Смелость Сердца спрятана глубоко. Её не достать просто так. И... кто-то должен решиться идти за ней.

Несколько жителей города переглянулись. У кого-то в глазах промелькнуло желание, у кого-то – страх, у многих – усталость.

– Мы пытались, – сказала девочка с лентами в волосах. – Но нам не хватает... того самого. Мы... слишком завязаны на мечтах людей. Мы слабеем, когда они сдаются. А дорога к Смелости Сердца как раз проходит через все самые сильные страхи.

– А вы... – Искра посмотрела на Лею и Артёма, – вы ещё слишком... живые. У вас связь с нашими создателями – с людьми – сильнее. Вы можете пройти там, где мы... растворимся.

Лея перевела взгляд на Артёма. В его глазах плясали сразу две вещи: страх и интерес.

– Подожди, – сказал он. – Ты хочешь сказать, что эта шту-

ка – Смелость Сердца – нужна всему городу, но пройти за ней должны... мы вдвоём?

– А я – третьим, – напомнил о себе Мистер Секунда. – Не забывайте о самом точном и обаятельном участнике команды.

– Прекрасно, – пробормотал Артём. – То есть теперь мир окончательно держится на двух школьниках, одном говорящем аксессуаре и паре светотеней.

Лея хотела улыбнуться, но не получилось. В груди стало как-то тесно.

– А если... мы не справимся? – спросила она. Вопрос, который висел в воздухе с самого начала, наконец сорвался с языка. – Если мы испугаемся, ошибёмся, сделаем хуже?

Площадь Сердца ответила тишиной. Но это была не пустая тишина, а та, в которой собирают слова.

– Тогда, возможно, мы исчезнем, – честно сказал Тень. – И Город. И всё, что с ним связано. Но... – он сделал паузу и посмотрел Лее прямо в глаза, – если никто не попробует, мы исчезнем точно.

– Ответственность, – задумчиво произнесли часы. – Очень непопулярное слово, особенно среди людей, которые любят переключать её на обстоятельства. Но именно она делает героев героями, а не случайными прохожими.

– Мы не герои, – тихо сказала Лея. Её голос слегка дрогнул. – Мы... просто дети.

– Вот поэтому вы нам и нужны, – ответил Мистер Секун-

да мягче, чем обычно. – Взрослые слишком часто думают о том, как не ошибиться. Дети... ещё помнят, ради чего вообще стоит рисковать.

Армия мелких искорок, витавших в воздухе, вдруг стала ярче. Кто-то из жителей города сделал шаг вперёд. Потом другой. Третий. Они окружили Лею и Артёма, не тесно, но ощутимо.

– Вы уже спасали нас, – сказала женщина с почти проявившимся лицом. Теперь у неё были глаза – усталые, но живые. – И тогда вам тоже было страшно. Но вы сделали это.

– Мы не имеем права просить, – добавил мальчик-бумажный самолётик. – У вас есть своя жизнь. Свой мир. Свои... контрольные, – слово прозвучало так, будто это название страшного монстра. – Но если вы согласитесь... мы будем рядом столько, сколько хватит сил.

Лея почувствовала, как к горлу снова подступают слёзы. Не от страха, а от того, насколько всё это... настоящее. Она вспомнила родителей, школу, все разговоры про «быть серьёзной» и «думать о будущем». Там ответственность звучала как нечто тяжёлое и скучное: «не опоздай», «не забудь», «получи нормальную профессию». Здесь она звучала иначе. Как выбор: позволить ли миру стать совсем серым или попытаться удержать его цвет.

– Если мы скажем «да»... – осторожно произнесла она, – это значит, что мы... официально... кто?

Искра взвилась выше, словно маленький фейерверк, и её

свет разлился по площади.

– Малыми Хранителями, – торжественно объявила она. – Не главными. Не единственными. Но теми, кому Город доверяет свои Чуда сейчас.

– «Малыми» – это мне нравится, – хмыкнул Артём. – Сразу понятно, что от нас не требуют быть супергероями с плащами. Маленькие, но упрямые.

– Малые – не значит неважные, – заметил Тень. – Иногда именно от маленького шага зависит, будет ли у большого мира завтра.

Лея глубоко вдохнула. Она чувствовала, как внутри всё спорит: одна часть хочет закричать «да, конечно!», другая тихо пищит «мне страшно». Но где-то между ними рождалось что-то новое – спокойное, твёрдое ощущение: если она отвернётся сейчас, ей будет хуже, чем если она ошибётся.

– Я согласна, – сказала она. И даже сама удивилась, как спокойно это прозвучало.

Все взгляды обратились к Артёму. Он, конечно, попытался сделать вид, что ему надо «минутку подумать», театрально поджал губы, посмотрел в небо... Но потом просто сказал:

– А я с ней. Куда она – туда и я. Кто-то же должен шутить по дороге.

Искра вспыхнула так ярко, что на секунду стало теплее всем.

Площадь Сердца ответила. Камень в центре мягко засве-

тился изнутри. На его поверхности проявились две маленькие, но очень чёткие световые точки – как отпечатки ладоней, только светящиеся. Лея не сразу поняла, что это такое.

– Подойдите, – попросил Тень. – Это... знак. Город принимает ваше решение. Если вы приложите руки, он свяжет себя с вами. И вас – с собой.

– Это безопасно? – на всякий случай спросил Артём.

– Нет, – честно ответил Мистер Секунда. – Но правильно.

Лея шагнула вперёд первой. Пальцы дрожали, но она не убрала руку. Коснулась светящегося отпечатка ладонью – и почувствовала, как через неё проходит что-то тёплое и мощное. Не боль, не удар – больше похоже на объятие, в котором сразу миллион голосов говорят: «Ты нам нужна».

В голове на секунду мелькнули картины: их скучный город, серые дома, мама с усталыми глазами у компьютера, папа с фразой «будь реалисткой», одноклассники, повторяющие «мечты – это несерьёзно». И поверх этого – улицы Города Чудес, Искра, Тень, дом-чайник, плащ мужчины, который на мгновение снова стал голубым.

«Я не могу быть ответственна за всё», – испуганно шепнула одна часть её.

«Но за что-то я всё-таки могу», – ответила другая.

Артём приложил руку рядом. Его тоже обдало теплом. Он зажмурился.

– Если меня завтра спросят, почему я не сделал домаш-

ку, – пробормотал он, – я официально могу сказать: «Извините, спасал Город Чудес». Надеюсь, это уважительная причина.

– Если ты всё будешь списывать на Город, я лично тебя сдам учительнице, – устало отозвался Мистер Секунда. – Ответственность – это не способ сбежать от своих обязанностей. Это умение видеть, что из них главное.

Свет под их ладонями немного усилился, затем стал ровнее. Камень снова стал обычным, но Лея уже чувствовала: что-то изменилось. Она будто стала тяжелее – не в плохом смысле, а как чемодан, в который положили важную вещь. И легче – потому что теперь она знала, куда идти.

– Всё, – сказал Тень. – Теперь вы связаны с Городом. Он будет чувствовать вас, а вы – его.

– Отлично, – вздохнул Артём. – То есть, если я ночью захочу съесть лишний кусок торта, город это тоже почувствует?

– Город почувствует, если ты захочешь сдатьсь, – серьёзно ответил Тень. – Всё остальное – твои личные проблемы.

Искра тихонько рассмеялась – на этот раз чуть звонче, чем раньше.

– Итак, Малые Хранители, – торжественно произнёс Мистер Секунда, – ваша миссия: найти Смелость Сердца. Она спрятана глубоко в тех местах города, где сильнее всего чувствуется страх. В местах, куда даже туман пока не решился войти полностью. Но... тянется.

Лея почувствовала, как по спине пробежал холодок. С другой стороны, внутри зажёгся маленький огонёк.

Страшно? Очень.

Сложно? Да.

Правильно? Точно да.

– Ладно, – сказала она. – Если уж мы теперь Хранители... где наша первая дорога?

Город, кажется, улыбнулся. И где-то впереди, над одной из ещё сияющих улиц, вспыхнул новый свет. Не яркий, но очень чёткий.

И Лея уже знала: именно туда им и предстоит идти.

Свет впереди мерцал так, словно звал и в то же время предупреждал: «Думай. Не беги бездумно». Лея смотрела на него и чувствовала, как внутри поднимается что-то сразу тёплое и холодное. Тёплое – потому что это знак, дорога, цель. Холодное – потому что теперь это уже не просто приключение. Теперь это ответственность.

– И что, – осторожно спросил Артём, – эта штука, куда нам идти, просто вот так... горит? Типа: «Внимание, здесь Смелость, подходите, не толкайтесь»?

– О, если бы, – вздохнул Мистер Секунда. – Если бы всё было так просто, нас бы не пришлось звать детей из вашего мира.

– Очень приятно, – буркнул Артём. – Всегда мечтал быть

человеком, которого зовут, когда уже совсем всё плохо.

Они двинулись вперёд. Город будто наблюдал за каждым их шагом. Кто-то выглядывал из окон, кто-то осторожно подходил ближе, кто-то просто стоял и смотрел. И чем дальше они шли, тем больше Лея осознавала: это не просто пара детей в мире чудес. Это те, на кого сейчас смотрят сотни глаз. Те, к кому привязаны надежды. Те, кто может... не справиться.

Именно эта мысль больше всего сжимала сердце.

– Лея, – негромко сказал Артём, будто угадав, – ты тоже думаешь, что вдруг всё испортишь?

Она кивнула. Нельзя было притворяться.

– Я боюсь не тумана, – призналась она. – Я боюсь, что однажды... я не выдержу. Что мне станет слишком тяжело. Что я скажу: «Хватит». И город... перестанет надеяться.

– Знаешь, – задумчиво сказал Артём, – в нашем мире взрослые всегда говорят: «Будь ответственной». Но почему-то никогда не объясняют, что это страшно. Они говорят так буднично, будто это просто «не забудь помыть чашку». А это вообще не похоже на чашку.

– Потому что многие из них сами когда-то испугались, – тихо сказал Тень. – И решили, что проще делать вид, что ответственность – это только про правила. А на самом деле ответственность – это про выбор. Каждый день заново.

Лея задумалась. Оно звучало слишком правильно, слишком по-настоящему.

Они остановились у начала улицы. Она была одной из тех, что ещё светились, но свет там был особенный – не радостный, не весёлый. Скорее – серьёзный. Улица не кричала красками, не блестела. Она словно говорила: «Если ты сюда идёшь – ты уже решил. Не просто посмотреть. А идти до конца».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.